

УДК 81'32

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7

Пинягин Ю. Н.

Трансляция национально-культурного пространства англичан

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614990, Россия.

E-mail: yu.pinyagin2011@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-3251-5706

*Статья поступила 7 декабря 2019 г.; принята 21 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация

Актуальность темы исследования определяется необходимостью анализа национально-культурного пространства в контексте глобализации и тенденции к нивелированию национальной специфики культур. В условиях, когда значимость феноменов культуры подвергается сомнению, представляется особенно важным выделение своеобразных черт конкретного этнокультурного сообщества. Объектом исследования является феномен национально-культурного пространства, а предметом – особенности трансляции принадлежащих национально-культурному пространству компонентов с английского языка на русский. Цель исследования состоит в определении специфики трансляции английского национально-культурного пространства на русский язык. Задачей является попытка выделения основных компонентов национально-культурного пространства и, на основании переводческого анализа, определения особенностей его трансляции в целом. Выбор материала исследования обусловлен возникновением интереса к внутренним и внешним политическим процессам в Великобритании, которые привели к значительным переменам в общественном сознании и сконцентрировали внимание англичан на проблеме национальной идентичности, принадлежности индивида к определенной культуре. На материале выполненного нами перевода текста главы “Illiberal Democrats” из книги Дж. Баггини “Welcome to Everytown” (Baggini, 2008) мы раскрыли основополагающие свойства британской идентичности и охарактеризовали этнопсихологический тип жителей Великобритании. Используемые методы и методики исследования отражают современные подходы к пониманию перевода и опираются на понятие национально-культурного пространства с использованием когнитивно-дискурсивной методики перевода. Перевод рассматривается как многогранная деятельность переводящей личности по репрезентации типологических свойств исходного текста. Мы пришли к выводу, что в тексте оригинала всегда содержатся зримые и незримые мировоззренческие установки, из-за которых у реципиента перевода возможно возникновение ассоциаций, не запланированных автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией.

Ключевые слова: национально-культурное пространство; типологические свойства; когнитивно-дискурсивный подход.

Для цитирования: Пинягин Ю.Н. Трансляция национально-культурного пространства англичан // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 69-88. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7

Yuri N. Pinyagin | Linguistic representation of the British cultural background

Perm State National Research University
15 Bukirev Stю, Perm, 614990, Russia.
E-mail: yu.pinyagin2011@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-3251-5706

Received 7 December; accepted 21 December 2019; published 30 December 2019

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problems which a translator comes across, trying to convey the national cultural notions when the globalization process is under way, and it can make many of them meaningless, if not at all existing. In such situation the translator is to attract the attention of potential readers to the notions of the cultural background which are to be conveyed to them. Such translation process presupposes the reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. The subject matter of the analysis is the phenomenon of the national cultural background and the ways of representing it to the Russian readers. For this reason, it is necessary to identify the elements of the British cultural background which are to be conveyed. The choice of the source language (SL) text for translation was motivated by the political processes in the British society which have caused many changes in its mentality and have concentrated the attention of the public on national identity.

For this reason, we have chosen the chapter “Illiberal Democrats” from the book by J. Baggini “Welcome to Everytown” (Baggini, 2008) and in the process of translation we have made an attempt to disclose the principle features of British identity. The methodology of the analysis is based on the notions of cultural background and cognitive approach to translation process. They presuppose translator’s reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. The cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the SL text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language (TL) text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allow us to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. We have come to the conclusion that any SL text always contains obvious and not obvious cultural assumptions, which may cause wrong understanding and associations of a potential TL reader, who, either cannot derive the right connotations of the original, or attributes to it the connotations which he thinks the text contains.

Keywords: cultural background; typological features; cognitive approach to translation process.

How to cite: Pinyagin, Yu. N. (2019). Linguistic representation of the British cultural background. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 69-88, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7

Введение

Вследствие рассмотрения науки о переводе в аспекте деятельностной онтологии и понимания перевода как процесса, составляющего основу человеческого общения и взаимопонимания, переводоведение сегодня характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования. В результате возрастающего интереса к феномену перевода предлагаются разнообразные модели представления сущности переводческого процесса и подходы к решению различных переводческих проблем (Landers, 2001; Scollon, 2012; Natim, 2006).

В рамках когнитивного подхода к переводу Т.А.Фесенко была разработана и описана структура интегративной модели концептуального перевода, которая включает весь спектр основных ментальных операций и специфику их кодировки на языковом уровне сознания. Концептуальная модель процесса перевода, детерминируемая наличием определенных констант перевода, обретает свое существование в результате кодировки ментальных операций с когнитивными структурами в границах вербальных систем определенных лингвокультурных сообществ (Фесенко, 2002б: 131).

Опираясь на ряд специфических особенностей процесса перевода, она констатирует существование следующих констант переводческого процесса: концептуальной, коммуникативной, социокультурной, лингвистической и текстовой. В рамках концептуальной константы автором дается определение концепта, который понимается как некий образ фрагмента или элемента реальной действительности, проецируемый “транслятором” после “когнитивной обработки” в языковой уровень сознания (Фесенко, 2002а: 66). Так как все концепты обладают национально-культурной маркированностью, концептуальная система

формируется знаниями человека и его социокультурной средой. В процессе концептуализации, суть которой заключается в осмыслении информации исходного текста, переводчиком определяется образ цели и интенция автора, анализируется коммуникативная среда высказывания. В ходе когнитивной переработки знания репрезентируются как ментальные пространства, взаимодействующие друг с другом. Новая информация, в свою очередь, каждый раз сопоставляется с уже имеющимися знаниями и систематизируется. Переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ними концепты. Таким образом, в рамках данной концепции, перевод репрезентируется целым рядом когнитивно-лингвальных проекций, обусловленных психосемиотическими характеристиками переводчика, и является лингвальной проекцией ментальных структур переводчика (Фесенко, 2002б: 132-138). Сходные идеи можно встретить и у других авторов, например: “far from being prescriptive, theories, which describe what we know in a general sense, can become part of what an individual translator knows, thus opening the way for greater awareness and also greater creativity in the act of translation” (Boase-Beier, 2006: 8).

Коммуникативная константа отражает динамический аспект перевода, поскольку в процессе коммуникативной деятельности раскрываются интерпретативные варианты перевода, которых может существовать довольно много. Данной константой обуславливается “согласованность содержания, укладываемого в оригинал его автором, и семантической информации, извлекаемой переводчиком, что обеспечивает воздействие текста перевода на те же когнитивные структуры реципиента, на которые оказывает влияние оригинал” (Фесенко, 2002: 142). Это, по мнению (Pöchhacker, 2009: 12), “shows how writers try to be polite, relevant and cooperative, the distinctions they make

between, what their readers may already know and what is likely to be new to them, what is presupposed and what is openly affirmed, how they refer to things and make their discourse coherent, how issues may be hedged or attempts made to produce the desirable effect”.

Лингвистическая константа перевода формируется языковыми и речевыми нормами и вербальными системами ИЯ и ПЯ. Текстовая константа отражает жанрово-стилистическую специфику текста, а также нормы и традиции построения текста в ИЯ и ПЯ (Фесенко, 2001: 61). Когнитивные структуры сознания индивида соотносятся с предметным содержанием текста, как отражением части реального мира, при этом реализуется семантический компонент текста. В рамках коммуникативного аспекта вербализуется предметное содержание текста, чем определяется прагматический его компонент. Ввиду своего дуалистического характера, текст “выступает средством и продуктом реализации коммуникативной задачи, которая формирует у автора ИТ и переводчика собственные прагматические установки” (Фесенко, 2001: 152).

Согласно социокультурной константе перевода, “первоочередная задача переводчика заключается в овладении ядерными элементами той культуры, носителем которой выступает автор ИТ, ибо содержание сознания каждого индивида напрямую зависит от объема присвоенной культуры и от объема освоенных вербальных описаний культурных предметов” (Фесенко, 2002а: 71]. Социокультурная константа актуализирует реалии культуры определенного социума, национальные особенности восприятия экстралингвистической реальности, концептуализации и номинации, что в значительной степени определяет этнонолические аспекты коммуникации.

Теоретический обзор

Ввиду того, что концептуальная сфера любого индивида является культурно-детерминированной, можно заключить, что и перевод также может рассматриваться как явление культуры. Как отмечает Л.В. Кушнина, “в процессе перевода происходит взаимодействие и взаимное проникновение текстов и культур, поскольку каждый текст является, с одной стороны, результатом накопленного человеческого опыта, его порождения, с другой стороны, способствует порождению новых текстов, приводит к установлению новой культуры” (Кушнина, 2003: 11). Сходная позиция характерна для многих европейских исследователей проблем перевода: “the role of translation – in its many forms – is enabling and mediating global cultural exchange. As modes of communication and textual production continue to evolve, the field of translation studies has an increasingly important role in exploring the ways in which words, sounds and images are translated and reinterpreted in new socio-cultural contexts” (Wilson, Maher, 2012: 13).

Перенос внимания с лингвистики языка на лингвистику текста помог по-новому взглянуть на переводческие проблемы, обусловленные культурологической спецификой. В тексте оригинала особенности национальной культуры закреплены в виде культурно-маркированных единиц-реалий, но этим влияние данного фактора не ограничивается. “Успех перевода, как лингвокультурной трансляции, во многом зависит от понимания имплицитно выраженных в тексте смыслов, разделяемых всеми членами лингвокультурной общности и основанных на культурных ценностях” (Тимко, 2011: 152).

Таким образом, любой текст будет содержать вербализованные отсылки к определенным ценностям культуры, отражать события, произошедшие в ее контексте, идеи и убеждения членов

данного лингвокультурного сообщества. Н.В. Тимко отмечает, что если мир переводного текста не принадлежит известной читателю культуре, то возникает “культуральная дистанцированность” (Тимко, 2011: 154]. В тексте оригинала всегда будут содержаться зримые и незримые мировоззренческие установки, из-за которых у реципиента возможно возникновение ассоциаций, не запланированных автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией, вследствие отсутствия *аккультурации инофона* (Шустова, Розенкова, 2017: 103). В таких ситуациях переводчик будет выступать в качестве эксперта обеих культур, и его задача будет состоять в том, чтобы сделать текст перевода понятным читателю, но при этом необходимо сохранить культурную маркированность оригинала: “the author of translation text adapts linguistic approaches and methods in such a way that they may be usefully employed in the practice of literary translation. He develops a more cultural approach through text analysis and cross-cultural communication studies” (Snell-Hornby, 2006: 10).

Рассмотрение процесса перевода с учетом фактора культуры в когнитивном аспекте требует системного подхода. В рамках своей концепции Т.А. Фесенко предлагает рассматривать многоаспектные отношения культуры и человека в переводе через призму национально-культурного пространства.

Изучение национально-культурного пространства в аспекте когнитивной лингвистики и перевода началось относительно недавно. В концепции В.В. Красных национально-культурное пространство определяется как форма существования культуры в сознании человека. “Это информационно-эмоциональное поле, виртуальное, и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и

функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями другой культуры” (Красных, 1998: 100–101). Такое пространство подразумевает совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, и представляет собой “определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладают все личности, входящие в тот или иной социум” (Красных, 1998: 45).

Согласно концепции Т.А. Фесенко, можно говорить о существовании двух моделей репрезентации национально-культурного пространства: реальной и ментальной. В реальном пространстве наличествуют тела культурных знаков, определенная система ценностей, национально-культурных стереотипов, воззрений и норм – все, что в совокупности маркирует национально-культурную специфику конкретного лингвокультурного сообщества и составляет социокультурную основу национального характера и национального самосознания. К реальному культурному пространству относятся национальное сознание, особенности, менталитет, стереотипы, культурно-специфические явления. В ментальной форме культурного пространства, в свою очередь, существует отраженная в сознании индивида национальная культура. Ментальное культурное пространство “инкорпорирует все качественно редуцированные инварианты восприятия культурных предметов и сущностей, включенных в реальное культурное пространство” (Фесенко, 2002б: 166).

В то время как реальное культурное пространство представляет собой обусловленную национальной культурой целостную систему знаний, ментальное пространство, принадлежащее конкретному человеку, являющемуся частью данной культуры, никогда не будет равным по объему реальному пространству. Эту

идею поддерживает Э. Гроссман, которая отмечает, что “translation always helps us to know, to see from a different angle, to attribute new value to what once may have been unfamiliar. As nations and as individuals, we have a critical need for that kind of understanding and insight. The alternative is unthinkable” (Grossman, 2010: 12). Индивид распределяет элементы национально-культурного пространства в своей ментальной модели, основываясь на степени значимости феноменов конкретной культуры для него самого, и результатом концептуализации реального культурного пространства выступает его ментальная модель, структурированная в человеческом сознании с учетом иерархии системных отношений и отражаемых культурных феноменов. Информация в национально-культурном пространстве “кодируется” и хранится в форме когнитивных структур, которые образуют более сложные структуры знания – концепты. Наполняющие культурное пространство концепты трактуются Т.А. Фесенко как “некий образ фрагмента реальной действительности, проецируемый после когнитивной обработки, в языковой уровень сознания” (Фесенко, 2002б: 175).

Будучи культурно маркированными, концепты обладают широким ассоциативным потенциалом, по содержанию они значительно объемнее одноименных языковых единиц. Вербально концепты реализуются в языке в виде слов или словосочетаний. В трактовке Н.К. Рябцевой концепт, в отличие от значения слова, – это совокупность всех значений слова, целостный смысловой образ, ассоциируемый с данным словом (Рябцева, 1997: 44). Таким образом, для переводческого процесса в контексте данного национально-культурного пространства ключевую роль приобретает *интерпретация* концептов, так как важно не столько отличие вербальных знаков, сколько различие в концептуальных системах

автора ИТ и переводчика (Янссен-Фесенко, Вайгель, 2013: 66–67).

Несмотря на то, что выбор элементов из реального культурного пространства носит индивидуальный характер, нельзя утверждать, что ментальное пространство строится бессистемно. Д.Б. Гудков отмечает, что ментальная модель национально-культурного пространства обладает ядром, где содержатся общие для данного лингвокультурного сообщества элементы, и периферией. Центральные элементы национально-культурного пространства крайне редко подвергаются рефлексии, в связи с чем, представителю другого национально-культурного пространства может быть сложно понять и осмыслить ключевые элементы иной национальной культуры. В то же время, общие для всех культур, универсальные элементы, также могут быть включены в пространство, но не обязательно в центральную его часть (Гудков, 1999: 30), поэтому объективно существующее национально-культурное пространство в своих инвариантах будет каждый раз принадлежать конкретному индивиду.

Качественно, инварианты ментальной модели также будут отличаться друг от друга. Выбор элементов определяется, с одной стороны, национальной культурой, как таковой, а с другой, когнитивными структурами индивида. В качестве регулятора социального и речевого поведения, в таком случае, выступает когнитивная база, которая определяется В.В. Красных, как “определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке” (Красных, 1998: 45). Т.А. Фесенко обращает внимание на то, что при вхождении в определенное

лингвокультурное сообщество индивид не только “присваивает” общую когнитивную базу данного социума, но и на ее основе формирует собственное когнитивное пространство, которое интерпретируется, как представляемая различными когнитивными структурами совокупность знаний, образов и представлений индивида, имеющая национальную детерминированность (Фесенко, 2002б: 176).

Отличия в национальных сознаниях людей проявляются в специфике представлений о том или ином явлении. Так, английский концепт “*fair*” и связанные с ним сочетания “*fair share*”, “*fair whack*”, “*fair play*” отражают представление англичан о справедливости, указывают на значимость этого понятия для данного этнокультурного сообщества, определяют представление о том, как именно нужно поступать и вести себя в различных ситуациях. Как считает К. Норд, выбор варианта перевода в таких случаях представляет “*a detailed study of the extratextual and intratextual factors and their interaction in the text*” (Nord, 2005: 10). Изначально существовавшая исключительно в английском культурном пространстве, подобного рода “поведенческая установка” была перенята представителями других лингвокультурных сообществ через спортивную терминологию: в мировом спорте возникло движение “Фейр-плей”, предложившее и поддерживающее свод моральных и этических законов для спортсменов, основанных на благородстве, честности и справедливости. Возник ряд комитетов с таким названием, отстаивающих эти идеи в спорте, был учрежден “Приз справедливой игры”. Тем не менее, это понятие, как представление о кодексе поведения человека, возникшее в Великобритании во времена В. Шекспира, продолжает оставаться одним из формообразующих для английской культуры и сегодня.

Выступая в качестве “эксперта” двух культур, переводчик обладает совмещенными ментальными пространствами. Через взаимодействие двух ментальных пространств, это интегральное пространство формируется в его ментальной реальности посредством взаимодействия когнитивных структур. Интегральное ментальное пространство переводчика также является уникальным и непосредственно влияет на качество выполнения перевода: “чем шире участки пересечения ментальных сфер автора ИТ, переводчика и реципиентов, тем обширнее актуализированные у переводчика и реципиентов “зоны понимания”, отвечающие за извлечение и реконструкцию заложенного автором ИТ смыслового содержания” (Фесенко, 2002а: 59).

Таким образом, автор оригинала, в процессе создания текста реализует свою концептосферу, которая была сформирована его социокультурной средой, тем самым репрезентирует свое национально-культурное пространство. Переводчик, в свою очередь, ставя своей целью осуществить перевод ИТ наиболее эффективным образом, должен актуализировать интенциональные смыслы концептуальной системы автора ИТ. В процессе интерпретации переводчик соотносит собственные когнитивно-денотативные структуры с понятийно-денотативной структурой ИТ и ищет соответствующий концепт, репрезентируемый единицей ПЯ. Выбор оптимального выражения концепта определяется, помимо языковой компетенции переводчика, степенью интегрированности ментального пространства переводчика в национально-культурное пространство автора.

Материалом исследования послужила глава “*Illiberal Democrats*” из книги Дж. Баггини “*Welcome to Everytown. A Journey into the English Mind*”, предпереводческий анализ которой позволил получить совокупность экстралингвистических сведений о переводимом тексте и его авторе.

Джулиан Баггини – британский философ, доктор философских наук, популяризатор науки, публицист и создатель журнала “The Philosophers’ Magazine”. Его колонки регулярно выходят в газетах “the Guardian” и “the Independent”. Помимо “Welcome to Everytown” он является автором целого ряда книг, среди которых: «Atheism: A Very Short Introduction» (2003), “The Ego Trick” (2012), “Philosophy: All that Matters” (2012), “Freedom Regained: The Possibility of Free Will” (2015) и “The Pig that Wants to be Eaten and 99 Other Thought Experiments”, единственная книга, переведенная на русский язык.

Впервые “Welcome to Everytown. A Journey into the English Mind” была издана в 2008 году и представляет сборник независимых, но связанных между собой общей линией повествования эссе, раскрывающих различные аспекты жизни англичан. Дж. Баггини раскрывает общую цель книги таким образом: “Эта книга – попытка понять основные ценности и убеждения англичан сегодня путём рассмотрения фактов и через проживание в типичном английском городе” (Baggini, 2008: 10). Автор предпринимает попытку составить портрет среднестатистического англичанина, выделить ключевые особенности и проблемы английского общества, рассмотреть жизнь англичан как бы “со стороны”.

В главе “Illiberal Democrats” раскрываются особенности взглядов и убеждений англичан в политическом аспекте. Текст представляет собой рассуждения автора, в ходе которых дается разнообразная аргументация, примеры и истории из жизни. Тексту свойственна личная семантика подлежащего, повествование от первого лица: “*I read many accounts of the English and British while researching this book, but I found that the most accurate portraits of the national psyche came from comedians*”. Помимо этого, в тексте можно выделить другие признаки,

характерные для художественного текста, так для выражения своей позиции автор использует эмоционально-окрашенные слова и выражения: *ignorant rants, nasty Muslim cleric*, разговорную лексику: *riff-raff, bang ’em up, being a mug*.

Для текста характерно использование метафор, тропов и идиоматических выражений:

“...*differences which make imposing a one-size-fits-all value system on both impossible*”. (метафора)

“...*they were too concerned with making sure he could parrot their diversity agenda back to them and not enough on whether he’d do a good job*”. (метафора)

“*It’s not so much a case of whether you see the glass as half full or half empty*”. (устойчивое выражение)

“*But charity begins at home*” (устойчивое выражение)

Однако помимо черт художественного стиля, в тексте присутствует ряд признаков, характерных для научного текста, таких как логичность изложения, смысловая точность и связность, что свидетельствует об интертекстуальности повествования. Автор постоянно делает отсылки к различным явлениям культуры, подтверждает свои мысли фактами и статистикой:

“*A BBC poll showed that 39% disapprove of homosexuals in high office, and only 48% approve*”.

Кроме этого, в тексте используется ряд социологических и политологических терминов: *communitarian, PA system, marginalization, post-Enlightenment, ISA, the CPS*. Среди понятий, используемых автором, выделяются такие, которым он сам придает особый смысл, например, понятие “англичане” – он не разделяет британцев и англичан, о чем не раз говорится в книге: “Most facts I would discover would not be drawn from the nation as a whole, and not just England. Why then it is not a journey into the British Mind? Any

differences in Wales, Scotland and Northern Ireland are diluted or lost” и “Remember that since the English make up nearly 85% of the British, such surveys are largely about England”. В качестве критерия различия автор выделяет, отличные от общепринятых, принципы дифференциации. Так, в интервью газете “the Guardian” – “We're all English now” использование термина обосновывается следующим образом: “Tellingly, black and Asian respondents overwhelmingly preferred to think of themselves as British than English. The very vagueness of Britishness is its greatest attraction, as its bagginess makes it an easier label to wear than Englishness. But what does it mean to be English?” (Manzoor, 2007: 27).

Таким образом, выделяя концепт “англичане”, автор определяет объектом своего исследования тех, с кем идентифицирует себя, “коренных” англичан, т.е. репрезентативное большинство современного общества. Концепт “британцы” для него ассоциируется по большей части с гражданством, в то время как концепт “англичане” связывается с национальной идентичностью, всем особенным и культурно специфичным.

Принимая во внимание стилевые черты и языковые средства, используемых автором, мы склонны относить этот текст к жанру эссе, так как это очерк, трактующий литературные, философские, социальные и другие проблемы в свободной форме. Это жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным стилем изложения. Жанр эссе часто определяют через его пограничное положение между научной статьёй и литературным очерком, что объясняет наличие в тексте черт художественного и научного стилей.

Исходя из полученной экстралингвистической информации о тексте, можно

заключить, что национально-культурное пространство англичан будет репрезентироваться в тексте, как через их реальный ценностный мир, так и через авторский ментальный инвариант реального культурного пространства.

Выявление переводческих трудностей, возникающих в процессе перевода ИТ, способствует раскрытию значимости элементов национально-культурного пространства, так как при трансляции образов сознания одной культуры в образы сознания индивида, принадлежащего другой культуре, раскрывается ряд концептов, специфических для исходного культурного пространства. В таком случае возникновение “зон непонимания” становится неизбежным, а их устранение – одной из основных задач переводчика.

Для того, чтобы выразить смысл высказывания на ПЯ наиболее полным образом, переводчик может использовать ряд приемов в рамках выбранной им стратегии. Так, например, Л. Венути предлагают две базовые стратегии перевода текста в отношении культурных элементов: *доместикация* – адаптация ИТ к нормам принимающей культуры и *форенизация* – сохранение максимально возможного количества информации при усложнении восприятия текста читателями другой культуры (Venuti, 1995: 20). На наш взгляд, придерживаться только одной точки зрения, и максимально или минимально дистанцировать текст перевода, будет являться неэффективной стратегией, поэтому особенности трансляции элементов культурного пространства будут определяться в зависимости от степени соотнесенности концептов в двух национальных культурах.

Научные результаты и дискуссия

Основываясь на смысловом содержании лексических единиц, представляется возможным охарактеризовать *этнопсихологический тип англичан*, представить ряд базовых и периферийных

специфических черт, составляющих их национально-культурное пространство.

Так, среди отмеченных нами концептов, ключевую роль играет концептуальная структура “*fair*”, так как в тексте главы было отмечено всего 22 случая использования данного прилагательного, включая однокоренные слова и словосочетания:

“British people’s sense of fairness and fair play”.

“Британское чувство справедливости и честной игры”.

Смысловое содержание прилагательного “*fair*” в русском языке выражают лексемы “порядочный”, “честный”, “справедливый”, “чистый”, “ясный”. Семантика концепта “*fair play*”, в свою очередь, может рассматриваться как языковое клише, штамп сознания англичан, который репрезентирует их отношение к социальной справедливости и порядочности человека. В русском когнитивном пространстве существует клише “играть по правилам”, которое, тем не менее, не входит в английскую концептуальную структуру, в которой “играть честно” и “играть по правилам” – разные понятия. В связи с этим, вариант перевода “*честная игра*” обусловлен существованием аналогичной концептуальной структуры – “играть честно”, которая будет репрезентировать заданный автором оригинала смысл, хотя и не в полной мере. В то же время, в когнитивном пространстве англичан существует целый ряд связанных с этим концептом понятий:

“I’ve paid more than my fair share of tax in my time. More than my fair share”.

“В свое время я заплатил достаточно налогов и профсоюзных взносов. Больше, чем нужно”.

“*Fair share*” – это экономический термин для компенсации услуг профсоюза, его возникновение связано с историей Великобритании и особенностями развития взаимоотношений работодателей и тред-юнионов на территории страны.

Это взнос в профсоюзный фонд работников, которые не являются членами профсоюза, но используют преференции, которых добилась для работников профсоюзная организация, что считается “*несправедливым*”, в связи с чем, и была введена такая обязательная форма оплаты. Появление подобного рода терминов демонстрирует развитие данного понятия в лингвокультурном пространстве англичан, его активное положение и важную роль.

Другим концептом, отражающим важность честности и справедливости в британской лингвокультуре, является понятие “*cheating*”:

“By the time the consensus had settled against not cheating, it was too late to take part honestly anyway”.

“Но когда мы, наконец, договорились не жульничать, играть честно было в любом случае уже поздно”.

В зависимости от контекста концептуальная структура “*cheating*” может иметь следующие ситуативные смыслы: “обманывать”, “жульничать”, “списывать”, “изменять”, поэтому инвариант перевода данного понятия будет изменяться и зависеть от соответствия “широкого” концепта “*cheating*” описываемой ситуации:

“I felt as if I was back at school cheating in a maths test”.

“У меня было чувство, будто я списываю в школе на контрольной по математике”.

С идеей соблюдения правил и норм для достижения справедливости соотносится еще один концепт, встретившийся в тексте:

“It sounds fair from the point of view of the fare dodger, but it would clearly not be an equitable system if we all unilaterally adopted the policy of simply paying what we thought we could afford”.

“С точки зрения безбилетника звучит вполне справедливо, но система точно не станет честнее, если мы все в одностороннем порядке стали бы

платить столько, сколько считаем нужным”.

Концепт “*fare dodger*” означает “a person who tries to travel on public transport without paying the fare”, что в русском переводе может вербализироваться как “заяц” или “безбилетник”. Тем не менее, в английском языке данный концепт является стилистически нейтральным, в связи с чем, русская смысловая репрезентация “заяц” не будет соотноситься с данным понятием.

Как можно заметить, смысловое содержание данных концептов обусловлено использованием характерных только для англичан особенностей языкового и понятийного мышления, усвоения ими специфической системы ценностей и языковых средств их словесного выражения. Исходя из этого, можно заключить, что понятия *справедливости и честной игры* занимают наиболее значимые позиции в английском национально-культурном пространстве так как это ключевые понятия, с помощью которых можно объективно охарактеризовать этнопсихологический тип англичан.

Отношение к правам и свободам человека также можно выявить через формообразующие для английского сознания понятия:

“*This may be the home of liberty, ‘mother of the free’, but what freedom means to the English is not what the disparagingly called ‘civil liberties brigade’ think it is*”.

“Она может сколько угодно быть родиной свободы, “матерью свободных”, но то, что свобода означает для англичан – это совсем не то, что о ней думает так называемый “отряд по защите прав человека”.

Два концепта оригинала имеют разные ассоциативные поля. В то время, когда в английскую лингво-когнитивную модель концепт “*liberty*” входит как “законное право людей делать то, что они хотят, без вмешательства государства”, “*freedom*” означает “право и возможность

человека делать что угодно, без ограничений”, то есть не имеет отношения к законности и правам человека. Словосочетание “*mother of the free*” является цитатой из английской песни, некогда претендовавшей на роль национального гимна – “*Land of Hope and Glory*”. В русском переводе оба концепта можно представить вербальным вариантом “свобода”, который будет включать в себя компоненты “законной” и “личной свободы”.

Российская система налогообложения борется со скрытыми доходами, но не все граждане страны охотно платят налоги. Прогрессивная система британского налогообложения напрямую связана с регулярным декларированием, и это понятие входит в когнитивную базу каждого жителя Великобритании, поэтому неуплата налога воспринимается там как преступление, и англоязычное клише “*cash in hand*” концептуализирует образ скрытого дохода, с которого не уплачиваются налоги.

Для того, чтобы сохранить смысл типологического образного понятия автора ИТ, был выбран русский вариант – “зарплата в конверте”, который во многом соответствует существующему в английском сознании концепту:

“*Pete, for example, had taken early retirement and said, I wouldn’t even consider taking a job now unless it were cash in hand*”.

“К примеру, Пит рано вышел на пенсию, заявив: “Я даже не подумаю выйти на работу, если там не будут платить зарплату в конверте”.

Специфика взаимодействия человека и права в каждой стране, степень вовлеченности в него жителей страны также определяет особенности мировосприятия его представителей:

“*He’s clearly mocking the (true) line taken that the suicide bombers are a tiny minority of criminals who do not represent the Muslim community, implying is that this is PC*”

nonsense, and the majority of Muslims are no more peace-loving than the majority of Nazis".

“Он явно насмехается над (весьма правдивой) фразой, что террористы-смертники являются незначительным меньшинством среди мусульман, намекая, что это все **политкорректный вздор**, и большинство мусульман не более миролюбивы, чем большинство нацистов”.

“РС” – это социологический термин, сокращение для “politically correct”, означающее политкорректность. Политическая корректность и толерантность англичан формируют своего рода социальный стереотип, идентифицируемый сознанием представителей других культур. Это понятие, наряду с термином “*толерантность*”, является одним из наиболее значимых в культуре англичан, но оно не всегда понимается адекватно представителями других политических культур, которые определяются иными константами. Британское понятие о правах и свободах, взаимодействии человека и государства во многом обуславливает специфику их национально-культурного пространства.

Очевидно, что национально-культурное пространство идентифицируется через специфические национальные черты, поэтому *внутреннее противопоставление* себя и других, “своих” и “чужих” можно также выделить как одну из ключевых черт, свойственных английской культуре:

“That means the ‘we’ which is the English mainstream has no problem with illiberal measures that infringe the liberties of ‘them’ for our sake”.

“Это значит, что **“мы”**, большинства англичан, никак не противоречит **нелиберальным** понятиям, которые дают возможность **посягать на “их” права ради наших интересов**”.

Члены английского лингвокультурного сообщества идентифицируют себя как

общность, противопоставляя себя как отдельной личности, так и всем другим:

“The conservative communitarianism of the English, reflected in the Mail and the Sun, is not the naked self-interest of ‘me, me, me’, but it is the parochial wider self-interest of ‘we, we, we’”.

“Консервативный коммуитаризм англичан, отражаемый в газетах the Mail и the Sun, является не проявлением эгоистичного **“я,я, я”**, а защитой местных интересов группы людей **“мы, мы, мы”**”.

Трансляция национально-культурного пространства через такие антиномии также является одной из важнейших задач переводчика. Помня о цельности воспринимаемого текста, переводчику необходимо их выделить, и проследить их развитие так, чтобы реципиент тоже был способен идентифицировать конкретный культурный маркер. Это то, что П. Ньюмарк назвал термином “naturalness» и утверждал, что: “naturalness is not something you want to acquire by instinct. You work towards it by small progressive stages, working from the most common to the less common features, like anything else rationally, even if you never quite attain it” (Newmark, 2008: 28).

Имена собственные, названия и бренды являются важной частью любого национально-культурного пространства. Функционируя в нем не статично, они постоянно обрастают новыми смыслами, и концепты, связанные с именами собственными, часто вызывают ряд ассоциаций в национальной лингвокогнитивной модели.

В тексте оригинала встретилось достаточно большое число антропонимов и топонимов, большинство из которых не требовали особого подхода к их передаче, хотя они обладали культурной детерминированностью. Однако некоторые из них несли смысловое содержание, образы которого переводчику необходимо было актуализировать и транслировать в сознании принимающей культуры. Более

того, через такие лингвистические единицы национально-культурное пространство ИТ часто манифестируется иносказательно:

“When the quizmaster came round – an affable bloke who never failed to greet me with his best Dick Van Dyke cockney voice – we told him that Andy’s visiting friend was a trivia genius and so we were bound to win”.

“Когда к нам подошел ведущий – приветливый парень, который никогда не забывал поздороваться со мной на кокни, самом характерном лондонском просторечии, что мог изобразить, мы сказали ему, что друг Энди был гением, и мы были просто обречены на победу.

“Кокни” – это самый известный тип лондонского просторечия, который является концептом в английском самосознании, и прочно связан с пренебрежительным отношением, насмешкой над недостаточно образованными слоями населения. Актер Дик Ван Дайк известен британцам по гипертрофированному кокни, на котором он говорил в фильме “Мэри Поппинс” в 1964 году. При буквальном варианте перевода содержание, вкладываемое автором, не будет согласовываться с извлекаемой реципиентом информацией и с содержанием текста в дальнейшем:

“I broke the bad news to him and said, ‘Remember this next time you take the piss out of Londoners’, to which he replied, ‘You’re a tosser for telling me!’ (I’m not a Londoner anyway, but it’s all the same south of Nottingham, isn’t it?)”.

“Наконец, я удивил его плохой новостью и заявил: “Помните об этом, когда в следующий раз будете потешаться над лондонцами!”, на что он ответил “Ты, придурок, говоришь мне!” (я, впрочем, не из Лондона, но это все же к югу от Ноттингема, не так ли?)”.

Информация о том, в каком регионе Великобритании человек родился, во многом определяет его поведение, убеждения и предпочтения, даже то, как он

говорит. Такая идентификация в рамках национального сознания позволяет выделять “своих” и “чужих” в контексте британской культуры. Поэтому во внутреннем культурном пространстве англичан также имеет место определенное противостояние не только “южан” и “северян”, но и представителей других регионов. Таким образом, для переводчика становится крайне важным акцентировать специфику существующих в культурном пространстве англичан отношений, связанных с географическим положением.

Фонетические и грамматические особенности речи британцев ассоциируются с регионом, где родился говорящий, и характеризуют его личность в глазах других британцев самым непосредственным образом. При использовании диалектных слов и выражений автором у читателя актуализируются определенные стереотипы, представления о жителях различных частей страны. Передача всего комплекса этих представлений средствами другого языка является практически невыполнимой задачей для переводчика, но к ее решению надо стремиться:

“It’s their mistake”, said Pete, ‘we’ve done nowt wrong. Nowt!’.

“Это же их ошибка, мы ниче плохого не сделали”, -- сказал Пит. “Ниче плохого!”.

Характерное для йоркширского диалекта сокращение слова “nothing” до “nowt” не только определяет говорящего, как родившегося в данном регионе, но и характеризует его образование и положение в обществе.

Социальная дифференциация и британская классовая система определяют и другие понятия, присущие когнитивному пространству жителей этой страны. Популярная культура, с одной стороны определяет многие элементы национально-культурного пространства, а с другой, является своеобразным идентификатором, “культурным маркером” того или иного

явления. Будучи ключевыми, “образующими” понятиями для национально-культурного пространства многие концепты не поддаются переводу и требуют определенной переводческой стратегии, например:

*“The rights and liberties held so dear by **mainstream** England are not abstract rights and liberties that apply to all”.*

*“Права и свободы, которые так дороги **большинству** англичан – это не абстрактные понятия, которые относятся ко всем”.*

*“The politics of the Sun-and-Mail-reading **mainstream** only appears to be totally incoherent if you assume a traditional liberal framework of universal rights and values which applies to everyone”.*

*“Позиция таких **популярных** газет как the Sun и the Mail только представляется абсолютно непоследовательной, если исходить из традиционных либеральных норм, всеобщих прав человека и универсальных человеческих ценностей”.*

Идеографическое поле лексемы “*mainstream*” включает такие компоненты как “*main believes*”, “*popular culture*”, “*accepted by most people*”, “*main tendency*”. В связи с тем, что в российском пространстве нами не было обнаружено соответствующего концепта, переводной вариант представляет собой “проекцию”, семантически не тождественную оригинальному понятию, но связанную с соответствующим образом культуры.

Многие явления *популярной культуры*, не могут иметь аналогов в иноязычном национально-культурном пространстве, и это означает, что они практически не могут быть представлены в полном объеме и с теми ассоциациями, которые так важны для читателей оригинала:

*“Towards the second half of my stay I appeared **on Richard and Judy**. Until then, I had only popped up in the likes of the Guardian or on Radio 4, so my somewhat slender ‘national media profile’ went*

*unnoticed. When you’re in a demographically typical area, it’s not being on Radio 4 with Melvyn Bragg which gets you noticed, it’s chatting on the couch **with Madeley and Finnigan**”.*

*“Ближе ко второй половине моего пребывания здесь я появился **на шоу Ричарда и Джуди**. До этого я только раз появлялся в газете the Guardian и на Радио 4 (“Radio 4”), так что мое скромное портфолио в средствах массовой информации оставалось незамеченным. В демографически типичной среде тебя делает заметным не появление на передаче Радио 4 с Мелвином Брэггом, а дружеская беседа на диване с **Ричардом Мэдли и Джуди Финниган** в телевизионном шоу”.*

Ричард и Джуди – известная в Великобритании пара ведущих телевизионного шоу с 1988 года. В английском национально-культурном пространстве их имена известны в такой степени, что не требуют дополнительных пояснений, поэтому переводчику, знакомому с когнитивной базой данного лингвокультурного сообщества, необходимо сделать эту культуру понятной для читателей перевода. Сходные мысли мы находим у Д. Робинсона: “The more “culturally literate” we become, the more and the less at-home we feel in foreign cultures. More, because we accept our difference, our alienness, our lack of belonging, and learn to live with it, even to cherish it, to love the extra freedom it gives us to break the rules and be a little more idiosyncratic than the natives. Less, because that freedom is alienation; that idiosyncrasy means not belonging” (Robinson, 2012: 194).

Одна из особенностей текста оригинала состоит в использовании автором довольно резких разговорных выражений, которые, с одной стороны, не свойственны произведениям данного стиля и жанра, а с другой, являются своеобразным авторским приемом для

достижения эмоциональной выразительности.

“Many people do cheat the system as a matter of routine, so if you stick entirely to the rules all the time, you’re being a mug”.

“Многие люди обходят систему постоянно, так что если вы все время безоговорочно следуете правилам, то вы просто глупец”.

“To be a mug” – выражение британского сленга, означающее глупого и неблагодарного человека. Его возникновение связано с устойчивым словосочетанием для обозначения бессмысленного, заведомо безрезультатного действия, например, *“a mug’s game”*. В идеографическое поле этого выражения входят такие компоненты как *“vain”, “aimless”, “adrift”, “nugatory”, “futile”*, негативная оценочная характеристика которых закреплена в прагматическом сознании английского социума. Таким образом, словарный эквивалент понятия *“mug”* – *“простофиля”* будет вызывать иные ассоциации у читателя перевода, так как предусматривает такие смысловые признаки как *“доверчивость”, “глупость”, “рассеянность”*, которые не определяют сугубо отрицательный контекст этого понятия в российских этнокультурных установках. Вариант перевода *“глупец”* с одной стороны позволяет сохранить стилистическую жесткость высказывания, а с другой в нем выражается негативное отношение автора к описываемому явлению.

При сравнении различных языков и культур в процессе перевода обнаружение переводчиком культурно-специфических сущностей и явлений становится неизбежным. Тем не менее, как отмечает А.Г. Минченков, это не означает, что *“эквивалент”* существующего понятия отсутствует, так как в контексте комбинация лексических единиц актуализирует смысл, который часто может совпадать с необходимым объемом значения (Минченков, 2016: 49).

“There was a clear example of this at the pub quiz one night. The Travellers’ quiz was a somewhat half-hearted affair. In most pub quizzes, there would be a quizmaster reading out the questions over a PA system, while the teams filled in their answers”.

“Отличным примером этому является викторина, проходившая в пабе The Travellers в один из вечеров. Викторина шла достаточно вяло. Как и в большинстве таких конкурсов, ведущий читал в микрофон вопросы, в то время как команды писали свои ответы”.

“Pub quiz” – это часть мероприятия, называемого *“quiz nights”* или *“trivia nights”*, которое регулярно проводят в пабах Великобритании. Изначально возникшее для того, чтобы привлечь к посещению пабов людей различных социальных слоев, в том числе тех, кто обычно не ходит в подобные заведения, это мероприятие стало традицией и важной частью жизни простых англичан. Чаще всего в ходе вечера ведущий *“quizmaster”* задает серию вопросов, на которые предстоит ответить командам, располагающимся за столиками. В зависимости от контекста термин *“quiz”* может иметь несколько потенциальных значений. Концепт *“quiz”* обладает различными ситуативными осмыслениями: *“экзамен”, “тест”, “опрос”, “конкурс”* или *“викторина”*, концепт, который существует в русском этнокультурном сознании, в связи с чем, с его помощью можно выразить смысл этого высказывания.

Важные события любой культуры всегда остаются в сознании ее носителей и накладывают отпечаток на их *“картину мира”*. Даже в случае, если события вызывают международный отклик, знания о них и их лингвистическое оформление далеко не всегда могут тождественно идентифицироваться в когнитивных пространствах представителей различных лингвокультурных сообществ:

“After 7/7, for instance, the Sun’s letters page was full of letters from the likes of

Mr Evans of Swansea, who wrote that 'political correctness must now be rescinded'.

“К примеру, после взрывов в Лондоне 7 июля 2005 года страница с корреспонденцией в газете “Сан” (*the Sun*) была полна писем от таких, как мистер Эванс из графства Суонси, который написал, что “политкорректность” сейчас должна быть аннулирована”.

Трагические события закрепляются в исторической памяти народа и вызывают целый ряд ассоциаций, существующих в национальном сознании. События в Лондоне 7 июля 2005 года концептуализировались в сознании англичан как 7/7, и задача переводчика состоит в актуализации смысла этих событий, их трагичности и эмоциональных коннотаций для иноязычного читателя.

Значимые для лингвокультурного сообщества виды деятельности раскрывают их ценностную систему и определяют значимость этих феноменов в жизни людей. Так, *благотворительность* всегда являлась одним из важнейших понятий, с ней связан целый ряд событий и мероприятий, поскольку социальная ответственность и добровольная помощь играют важную роль в жизни англичан:

“As Reg put it, talking about the Live 8 concerts to ‘make poverty history’, ‘Don’t get me wrong,’ he said severely, ‘I hate to see anyone starving’.

“Как говорил Рег о серии благотворительных концертов Live 8 в странах большой восьмерки: “Не поймите меня неправильно, мне ненавистно видеть, как кто-либо голодает”.

Понятие благотворительности закреплено в английском этическом сознании лингвокогнитивной моделью и отражается в афористике языка, например:

“But charity begins at home”.

“Кто думает о родных, не забудет и чужих”.

Переводу и деривации метафор посвящено много работ, и некоторые современные исследователи трактуют метафору как одну из форм вербальной репрезентации концептов (Мишланова, Пермякова, 2004). Ввиду того, что метафоризация является мыслительным процессом индивида, формирование метафор обусловлено спецификой когнитивных структур и имеет национальную детерминированность:

“The second answer reiterated the myths of the bulldog: ‘Britain’s defiance of Nazi Germany in 1940”.

“Второй ответ подтвердил так называемый миф об английском бульдоге: “вызов нацистской Германии в 1940”.

Представление о Британии как об английском бульдоге возникло благодаря известной цитате из речи Уинстона Черчилля в 1940 году, где он сравнил национальный характер британцев с особенностями поведения собаки породы “английский бульдог”. Ассоциируя английский боевой дух с силой и боевыми качествами собаки этой породы, У. Черчилль создал метафору, которая из авторской переросла в общенародную, понятную всем членам данного лингвокультурного сообщества. Задача переводящей личности состоит в идентификации и интерпретации такой метафоры для понимания инокультурными реципиентами. Авторская метафора может быть способом оценки, концептуализации и объяснения мира:

“There may be values which are shared between someone raised in an American Amish community and someone else brought up in Catholic Ireland, but there will also be important differences, which make imposing a one-size-fits-all value system on both impossible”.

“Конечно, есть ценности, которые будут общими в общине амишей в США и в католической Ирландии, но всегда будут иметь место различия, которые делают

навязанную систему универсальных ценностей для всех невозможной”.

“One-size-fits-all” – определение, изначально возникшее в рекламе одежды универсального размера, подходящей всем. В англоязычном культурном пространстве этот концепт имеет ассоциацию “универсальный, но на самом деле не подходящий никому”, однако в русскоязычном пространстве такой смысл не закреплен в культуре и не будет идентифицирован реципиентами. В контексте религиозных ценностей эта метафора является тропом, акцентирующим противоречие духовного, внутреннего и потребительского, массового в культуре. Таким образом, в процессе осмысления представляется возможным, утратив авторскую метафору, сохранить интенциональный смысл оригинала, отразив эмоциональную коннотацию через набор других лексем.

Заключение

Анализ трансляции национально-культурного пространства, которое трактуется как форма существования культуры в социуме и сознании человека, выявил особенности перевода элементов текста, включающих репрезентацию пространства английского социума, интерпретация которых осложнена особенностями языкового и понятийного мышления представителей разных культур. Текст оригинала содержит вербализованные отсылки к определенным ценностям культуры, отражает события, произошедшие в ее контексте, идеи и убеждения членов англоязычного лингвокультурного сообщества. Если мир языка и текста перевода не имеет параллелей и пересечений с культурой оригинала, то возникает определенная “культуральная дистанцированность” (Тимко, 2011: 151).

В тексте оригинала, как мы убедились, всегда содержатся зримые и незримые мировоззренческие установки, из-за которых возможно возникновение у реципиента ассоциаций, не запланирован-

ных автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией. В таком случае переводчик выступает в качестве эксперта относительно обеих культур, и его задача заключается в том, чтобы сделать текст понятным читателю, но при этом сохранить его культурную маркированность. Понимание и воспроизведение “картины мира” оригинала на языке перевода происходит в первую очередь за счет конструирования переводчиком *смысла* текста оригинала в ходе создания перевода. Выбор варианта перевода обуславливается не функциональной ролью лексики текста оригинала, а прагматическими установками переводчика, его лингвистической и культурной компетенцией.

При переводе концептов, за которыми стоят уникальные явления культуры, на первый план выходит их понимание потенциальным реципиентом текста перевода. В таких случаях переводчиком анализируется идеографическая сфера концепта и выбирается вариант перевода на основании выделенных ассоциативных полей рассматриваемого понятия и стиливых особенностей текста, а трансляция концептов, обладающих комплексом значений, осуществляется через определение ключевого семантического компонента и ситуативное осмысление.

Список литературы

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 149 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт - синергетический подход. Пермь: Изд-во ПГУ, 2003. 252 с.

Ленк Х. Этика спорта как культура честной игры / пер. с нем. М.Сокольская // Неприкосновенный запас. 2004. Вып 3(35) URL:

<http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/lenk21.html>
(дата обращения 03.05.2018)

Минченков А.Г., Минченков А.Г. (мл.) К понятию реалии в современной теории перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2016. Вып. 2. С.46-59.

Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. Современная концептосфера: направления и перспективы, 2004 URL: www.psu.ru/psu2/files/0451/19_Mishlanova.doc (дата обращения 05.05.2018).

Рябцева Н. К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. ИЯ РАН. М., 1997. Вып: №8. С.42-63.

Тимко Н.В. Способы осуществления лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественного текста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2011. Вып. 17. С. 151-157 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15606044&> (дата обращения 27.04.2018)

Фесенко Т. А. Лингвоментальная модель процесса перевода // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. 140 с.

Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002а. 492 с.

Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002б. 228

Шустова С.В., Розенкова Х.Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

Янсен-Фесенко Т.А., Вайгель А.Л. Перевод в структуре ментального пространства: концептуальный подход // Язык и культура. Томск, 2013. Вып. 4 (24). С.66-76.

Baggini, J. (2008), Books About Me. [Online], available at: URL: <http://www.microphilosophy.net/books/> (Accessed 14 May 2018).

Baggini, J. (2008), Welcome to Everytown: A Journey into the English Mind, London, Granta Books, UK.

Boase-Beier, J. (2006), Stylistic Approaches to Translation, in Hermans, T. (ed.) St. Jerome Publishing.

Grossman, E. (2010), Why Translation Matters, Yale University Press, 2010.

Hatim, B. (2006), Communication Across Cultures. Translation Theory and Contrastive Text Linguistics, University of Exeter Press, UK.

Katan, D. (2004), Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators, Manchester: St. Jerome Publishing, UK.

Landers, C. E. (2001), Literary Translation. A Practical Guide, Multilingual Matters LTD.

Manzoor, S. (2007), We're all English now [Online], available at: URL: <https://www.theguardian.com/books/2007/mar/10/society> (Accessed 10 May 2018).

Newmark, P. (2008), A Textbook of Translation, Harlow: Pearson Education Limited, UK.

Nord, Ch. (2005), Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis, 2nd ed, Rodopi.

Pöchhacker, F. (2009), Introducing Interpreting Studies, Routledge.

Robinson, D. (2012), Becoming a Translator. Routledge.

Scollon, R., Scollon, S. W. and Rodney, H. J. (2012), Intercultural Communication: A Discourse Approach, 3rd ed., Wiley-Blackwell, UK.

Snell-Hornby, M. (2006), Translation Studies: An Integrated Approach, revised edition, John Benjamins Publishing Company.

Venuti, L. (1995), The Translator's Invisibility: A History of Translation. London & New York: Routledge.

Verdonk, P. (2010), Stylistics, in Widdowson, H.G. (ed.), Oxford University Press, UK.

Words, Images and Performances in Translation, (2012), in Wilson, R. and Maher, B. (ed.), Continuum International Publishing Group.

References

Gudkov, D.B. (1999). *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent Name and the Problems of Precedents], Moscow, Russia:

Izdatelstvo Moskovskogo universiteta (in Russian).

Krasnyh, V.V. (1998). *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'* [Virtual Reality or Real Virtuality], Moscow, Russia: Dialog-MGU (in Russian).

Kushnina, L. V. (2003). *Dinamika perevodcheskogo prostranstva: geshtal't - sinergeticheskij podkhod* [The Dynamics of the Translation Strata: Geschtalt – Synergetic Approach], Perm, Russia: Izd-vo PGU, (in Russian).

Lenk, H. (2004). *Etika sporta kak kul'tura chestnoi igry* [Sport Ethics as Fair Play Culture] / transl. from German by M.Sokol'skaya // *Neprikosnovennyj zapas*, Vyp 3(35). Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/lenk21.html>

Minchenkov, A.G. and Minchenkov, A.G. (ml.) (2016). “The notion of realias in modern translation theory”, *Vestnik PNIPU, Perm, Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2, 46-59 (in Russian).

Mishlanova, S.L. and Permyakova, T.M. (2004). *Modern Concept Sphere: Directions and Perspectives*, Retrieved from: www.psu.ru/psu2/files/0451/19_Mishlanova.doc

Ryabtseva, N. K. (1997). “Theory and Practice of Translation: Cognitive Aspect”, *Perevod i kommunikatsiya*. IYA RAN, 8, 42-63 (in Russian).

Timko, N.V. (2011). “The Means of Conveying Cultural Information in the Process of Translation of Literary Text”, *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17, 151-157, Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15606044&> (in Russian)

Fesenko, T.A. (2001). “Lingual and Mental Model of Translation Process”, *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. M.: MAKS Press, 20,140 (in Russian).

Fesenko, T.A. (2002a). “Translation as Reflection of Cognition”, *S lyubov'yu k yazyku*, Moskva-Voronezh: IYA RAN, VGU, 492 (in Russian).

Fesenko, T.A. (2002b). *Spetsifika natsional'nogo kul'turnogo prostranstva v zerkale perevoda* [Specific Features of the National Cultural Background in the Process of

Translation], Tambov, Russia: Tambov University Publishing House (in Russian).

Shustova, S.V. and Rozenkova, H.E. (2017). “Lingvocultural Code: Definition, Problem of Classification, Role in Intercultural Communication”, *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2, 101–104 (in Russian).

Yanssen-Fesenko, T.A. and Vajgel', A.L.(2013). “Translation in the Structure of Mental Space: Conceptual Approach”, *Yazyk i kul'tura*, 4 (24), 66-76.

Baggini, J. (2008). *Books About Me*. Retrieved from: <http://www.microphilosophy.net/books/>

Baggini, J. (2008). *Welcome to Everytown: A Journey into the English Mind*, London, UK:Granta Books.

Boase-Beier, J. (2006). *Stylistic Approaches to Translation, in Hermans, T. (ed.) St. Jerome Publishing*.

Grossman, E. (2010). *Why Translation Matters*, Yale University Press.

Hatim, B. (2006). *Communication Across Cultures. Translation Theory and Contrastive Text Linguistics*, UK: University of Exeter Press.

Katan, D. (2004). *Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*, Manchester,UK: St. Jerome Publishing.

Landers, C. E. (2001). *Literary Translation. A Practical Guide*, Multilingual Matters LTD.

Manzoor, S. (2007). *We're all English now* Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2007/mar/10/society>

Newmark, P. (2008). *A Textbook of Translation*, Harlow,UK: Pearson Education Limited.

Nord, Ch. (2005). *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*, 2nd ed, Rodopi.

Pöchhacker, F. (2009). *Introducing Interpreting Studies*, Routledge.

Robinson, D. (2012). *Becoming a Translator*. Routledge.

Scollon, R., Scollon, S. W. and Rodney, H. J. (2012). *Intercultural Communication: A Discourse Approach*, 3rd ed., UK: Wiley-Blackwell,

Snell-Hornby, M. (2006). *Translation Studies: An Integrated Approach*, revised edition, John Benjamins Publishing Company.

Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London & New York: Routledge.

Verdonk, P. (2010). *Stylistics*, in Widdowson, H.G. (ed.), UK: Oxford University Press,

Words, Images and Performances in Translation, (2012). in Wilson, R. and Maher, B. (ed.), Continuum International Publishing Group.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Пинягин Юрий Николаевич, доцент кафедры лингвистики и перевода, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Yuriy Nikolayevich Pinyagin, PhD (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University